

АЛЕКСАНДРА
ДАВИД-НЕЭЛЬ

МАГИЯ И ТАЙНА
ТИБЕТА

Александра Давид-Неэль
Магия и тайна Тибета

«Центрполиграф»

2010

Давид-Неэль А.

Магия и тайна Тибета / А. Давид-Неэль — «Центрполиграф»,
2010

Автор книги, известная исследовательница и знаток философии буддизма Александра Давид-Неэль, почти четырнадцать лет провела в Тибете. Оставаясь подлинной представительницей Запада, не поддаваясь предубеждениям и догмам, ни в чем не изменяя призванию ученого-исследователя, она познакомила широкую общественность со священным миром лам и разного рода колдунов, их окружающих.

© Давид-Неэль А., 2010

© Центрполиграф, 2010

Содержание

Об авторе	5
Предисловие автора	7
Глава 1	8
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Александра Давид-Неэль

Магия и тайна Тибета

Об авторе

Для многих живущих на Западе Тибет окутан дымкой тайны: Страна снегов – вместилище неизведанного, фантастического, невозможного. Какими только сверхъестественными силами не наделяют разного рода магов, колдунов, некромантов и служителей оккультных наук; в высокогорных землях, где они селятся, природа и собственные намерения так надежно изолируют их от остального мира! И с какой готовностью все эти причудливейшие легенды принимаются за непреложную истину! В этой стране растения, животные и люди, следуя своим жизненным целям, будто нарочно отклоняются от привычных законов физики, химии, физиологии и даже противоречат здравому смыслу.

Поэтому вполне естественно, что ученые, привыкшие к строгой дисциплине экспериментальных методов, относятся ко всем этим историям свысока и только из любопытства обращают на них внимание – ровно столько, сколько уделяется сказкам.

Именно такой настрой был и у меня до того дня, когда я по счастливой случайности познакомился с мадам Александрой Давид-Неэль.

Эта известная и мужественная исследовательница Тибета объединяет в себе физические, нравственные и интеллектуальные качества, необходимые тому, кто наблюдает и исследует подобные явления. Что я и подчеркиваю, хотя это может сильно задеть ее необычайную скромность.

Мадам Давид-Неэль хорошо понимает все тибетские диалекты, пишет и говорит на них. Она провела четырнадцать лет в этой стране и соседних регионах; исповедует буддизм и потому снискала доверие большинства лам, занимающих важные посты. Ее приемный сын посвящен в сан ламы, и она испытала на себе все, о чем рассказывает в этой книге. Стала, как сама говорит, настоящей азиаткой, и (что еще более важно для исследователя любой страны и чаще всего недоступно обычному туристу) ее признали за свою все, среди кого она жила.

Тем не менее эта восточная женщина, настоящая тибетка, осталась подлинной представительницей Запада, последовательницей Декарта и Клода Бернара: она разделяет научный скептицизм первого и следует учению последнего, никогда не изменяя своему призванию ученого-исследователя. Не обременяя себя заранее выстроенной теорией, не поддаваясь предубеждениям или догмам, она проводила в Тибете наблюдения, оставаясь свободной духом и беспристрастной.

В курсе лекций, которые я (занимая пост профессора Коллеж де Франс, унаследованный мною от моего учителя Клода Бернара) попросил прочитать мадам Давид-Неэль, она подвела черту своим исследованиям: «Все, что так или иначе относится к психическим явлениям и действиям психических сил вообще, должно изучаться точно так же, как изучаются все другие научные явления. В них нет ничего чудесного или сверхъестественного, ничего, что возбуждало бы новые или поддерживало старые суеверия. Психические тренировки, рационально и научно построенные, могут привести к желаемым результатам. Вот почему информация о подобных тренировках, даже если они проводятся эмпирически и основываются на теориях, с верностью которых мы не сразу соглашаемся, – это полезные документальные свидетельства, заслуживающие, чтобы на них обратили внимание».

Итак, вот он, настоящий научный детерминизм, далекий и от скептицизма, и от слепой веры.

Исследования мадам Давид-Неэль интересны как ориенталистам и филологам, так и физиологам.

Доктор А. д'Арсонваль,
член Академии наук, Академии медицинских наук,
профессор Коллеж де Франс,
президент Института общей психологии

Предисловие автора

Сразу после публикации моих отчетов о путешествии в Лхасу многие, как в статьях, посвященных моей книге, так и в личных беседах, интересовались, почему я так долго прожила у лам, а также выражали желание узнать об их системе взглядов и о ритуалах магов и колдунов Тибета.

В этой книге я попыталась удовлетворить их дружеское любопытство, хотя выполнение этой задачи сопровождалось определенными трудностями.

Чтобы ответить на эти два вопроса в том порядке, в каком они мне заданы, пришлось начать с описания событий, которые привели меня к знакомству со священным миром лам и разного рода колдунов, их окружающих.

Затем я попыталась систематизировать сведения об оккультных науках и мистических теориях, а также о психофизических методах тренировок тибетцев. Какой бы факт, связанный с этой тематикой, ни обнаруживала в богатой сокровищнице своих воспоминаний, сразу записывала. Следовательно, эта книга не описание путешествия – тема ее далека от жанра дорожных воспоминаний.

В ходе исследований я поняла, что информация, полученная в какой-то день, не полна, – она найдет подтверждение только по прошествии нескольких месяцев или даже лет. Только представив конечные результаты в виде фактов, собранных в различных местах, можно надеяться, что получишь адекватное представление об интересующем предмете.

В будущем я намерена обратиться к вопросу о тибетском мистицизме и тибетской философии в более специальной работе.

Тибетские имена в предлагаемой книге передаются только в фонетической транскрипции. В некоторых случаях, когда указывается тибетская орфография, дается пояснение, как правильно произносить то или иное слово или выражение.

Глава 1

Тибет и ламы

– Ну, тогда договорились. Я отпускаю с вами Давасандупа в качестве переводчика. Он будет сопровождать вас в Гангток.

Это что же, я разговариваю с каким-то мужчиной? Разве это низкорослое желтокожее существо, облаченное в ярко-оранжевые одежды, с бриллиантовой звездой, сияющей на чалме, не гени, спустившийся с соседних гор?

Говорят, он «воплощение ламы» и наследный принц гималайского трона, но я сомневаюсь в его подлинности. Вероятно, он исчезнет как мираж вместе со своим разукрашенным коньком и свитой, в одеждах всех цветов радуги. Он часть того зачарованного состояния, в котором я пребываю последние пятнадцать дней. Вся эта сценка из того же теста, из которого рождаются сны. Через несколько минут я проснусь в настоящей кровати, в какой-нибудь стране, где нет ни гени, ни «воплощений лам», завернутых в сияющий шелк; мужчины там носят уродливые темные пиджаки, а лошадей не запрягают в украшенные серебром седла поверх золотых попон.

Позвякивание металла заставило меня очнуться: два мальчика заиграли меланхоличную минорную мелодию. Моложавый гени направил своего крохотного конька вперед, рыцари и сквайры прыгнули в свои седла.

– Я буду ждать вас, – произнес лама-принц, милостиво улыбаясь мне.

Словно со стороны услышала я свое обещание – отправиться на следующий день в его столицу, и небольшая толпа во главе с музыкантами удалилась. Последние завывания простенькой мелодии замерли вдаль, и волшебство, захватившее меня, улетучилось.

Вовсе я не спала, все настоящее. Я в Калимпонге, в Гималаях, и переводчик, которого мне предоставили, вот он – стоит рядом.

В своей книге «Мое путешествие в Лхасу» я рассказывала уже об обстоятельствах, которые привели меня в Гималаи. Политические причины в то время вынудили далай-ламу искать убежища на британской территории. Мне показалось, что, пока он остается на индийских рубежах, у меня есть уникальная возможность взять у него интервью и получить из первых рук сведения об особом виде буддизма, распространенном в Тибете.

Мало кому из иностранцев удавалось приблизиться к этому святому отшельнику, когда он жил в священном городе в Стране снегов. Даже в изгнании он отказывался видаться с ними. К моменту моего визита упрямо отклонял все встречи с женщинами, кроме истинных тибеток, и я до сегодняшнего дня считаю, что была единственным исключением из этого правила.

Ранним розовым утром прохладного весеннего дня, когда выехала из Дарджилинга, я мало задумывалась о том, какие последствия для меня будет иметь это посещение.

Думала – это непродолжительная поездка, из которой привезу интересное, но короткое интервью, а оказалось, что вовлекаю себя в странствия по Азии и займут они целых сорок лет.

В начале этой длинной череды поездок далай-лама в моих записках предстает как любезный хозяин, который, встречая гостя за стенами своего дома, приглашает его посетить свои владения. И сделал это далай-лама очень просто.

– Учите тибетский язык, – сказал он мне.

Если верить его сторонникам, которые называют его Тамсчед мкиенпа¹, то всезнающий властитель Тибета, давая мне этот совет, предвидел его возможные последствия и намеренно

---

¹ Всеведущий.

направил меня в Лхасу, а также к тайным учителям и неизвестным колдунам, еще более таинственным в его чудесной стране, чем его запретная столица.

В Калимпонге главный лама жил в большом доме, который принадлежал министру раджи Бутана. Чтобы придать месту более величественный вид, перед домом соорудили аллею из высоких бамбуковых столбов. На каждом из них развевался флаг с надписью «Аум мани падме хум», или «Воздушная лошадь», окруженной магическими формулами.

У изгнанного владыки была огромная свита – более ста слуг. Занимались они главным образом бесконечными сплетнями и уборкой нового жилища. Но в выходные или в дни приема важных гостей со всех сторон появлялась целая толпа нанятых служителей и домашних слуг, – они выглядывали из каждого окна, торопливо сновали туда-сюда по небольшой площади перед зданием, крича и жестикулируя. Почти все – в грязных, обтрепанных одеждах, так что чужаку легко ошибиться в том, какое положение они занимают при ламе.

В изгнании уже не соблюдали сложного этикета, принятого в Потале, традиционные приемы потеряли свою красочность и величие. Те, кто видел спешно устроенные лагеря, где глава тибетской теократии ожидал восстановления своего трона, плохо представляли себе его двор в Лхасе.

Британские войска, проникшие на запретные территории и занявшие, несмотря на колдовство самых известных магов, столицу далай-ламы, вероятно, заставили его понять, что иностранные варвары все же обладали некоторой силой, во всяком случае с материальной точки зрения. Новации, которые он заметил во время своего путешествия по Индии, наверное, убедили его и в том, что они способны покорять и использовать материальные элементы природы. Но убеждение, что белая раса умственно отсталая, осталось незыблемым, – в этом он только разделял мнение всех азиатов, от Цейлона до северных окраин Монголии.

Западная женщина, знакомая с буддизмом, показалась ему явлением невероятным. Растворись я в воздухе во время беседы с ним, он, вероятно, удивился бы меньше. Реальность моего существования – вот что поразило его больше всего, и, наконец, поверив в нее, он вежливо стал расспрашивать меня о моем учителе, предполагая, что я могла изучать буддизм только с помощью азиата. Нелегко было убедить его, что тибетские тексты наиболее почитаемых книг буддизма² переведены на французский язык еще до моего рождения.

– Все равно, – пробормотал он в конце концов, – даже если несколько иностранцев и сумели выучить наш язык и прочитать наши священные тексты, они, несомненно, мало что поняли в них.

Это мой шанс, и я поспешила им воспользоваться.

– Потому я и решилась обратиться к вам с просьбой. Просветите меня, ибо я подозревала, что некоторые религиозные учения Тибета неверно поняты, – отвечала я.

Мой ответ понравился далай-ламе, и он с готовностью ответил на мои вопросы, а позднее даже предоставил мне письменные объяснения затронутых в нашей беседе тем.

Принц Сиккима и его свита исчезли; мне оставалось лишь сдержать данное ему обещание, и я стала готовиться к поездке в Гангток. Но перед отъездом мне предстояло увидеть кое-что и здесь.

Накануне вечером я была свидетельницей того, как далай-лама благословлял паломников, – картина совершенно непохожая на то, как делал это папа в Риме. Глава католиков единым жестом благословляет все собравшееся множество людей, тогда как тибетцы требуют и ждут от ламы индивидуального благословения.

Форма ламаистского благословения варьируется в зависимости от ранга благословляемых. На голову наиболее уважаемых людей лама опускает обе руки; иногда – только одну руку,

---

² «Гиачер ролпа»; перевод профессора Коллеж де Франс Эд. Фуко.

два пальца или даже один; наконец, есть благословение в виде простого касания головы цветной лентой, привязанной к короткой палочке.

Но всегда благословение подразумевает прямой или косвенный контакт между ламой и верующим. Этот контакт, по мнению ламаистов, совершенно необходим, так как благословение человека или вещи – это не просто произнесение над ними святых божественных фраз, но главным образом внедрение в них некой благой силы, исходящей от ламы.

Представление о том, насколько велик авторитет далай-ламы, я получила, увидев, как много людей приезжают в Калимпонг, чтобы он к ним прикоснулся. Прежде чем подойти к нему, нужно выстоять несколько часов в очереди; я заметила, что к процессии присоединяются не только ламаисты, но и многие из непальских и бенгальских сект индуизма.

Несколько человек, пришедших просто взглянуть на него, внезапно поддались религиозному пылу и поспешили присоединиться к молящейся толпе. Наблюдая за этой сценой, я выхватила взглядом мужчину, сидевшего на земле, немного в стороне от всех. Пышные его волосы, обернутые вокруг головы наподобие тюрбана, напоминали прическу индуистских аскетов, но чертами он, в грязной, сильно поношенной ламаистской монастырской одежде, не походил на индийца. Рядом с этим бродягой лежала небольшая сумка, выражение лица циничное, – казалось, он наблюдает за толпой. Я указала на него Давасандупу и спросила, кем может быть этот гималайский Диоген.

– Это, наверное, странствующий *налджорпа*³, – ответил он.

Заметив мое любопытство, любезный мой переводчик подошел к тому человеку и вступил с ним в беседу. Затем, с серьезной миной, возвратился ко мне и объяснил:

– Этот лама – странствующий монах из Бутана. Он живет где придется: в пещере, в пустом доме, а то и под деревьями; несколько дней провел в небольшом монастыре неподалеку.

Когда принц и его свита удалились, мысли мои вновь вернулись к бродяге. У меня не было никаких планов на день, и потому я решила: почему бы мне не отправиться в этот *гомпа* (монастырь) и не поговорить с монахом? Действительно ли он посмеивался над далай-ламой и его приверженцами, как мне показалось? Если да – почему? Ответы могут быть интересными. Я сообщила о своем желании Давасандупу, и он согласился проводить меня.

В *лха кханг* (комната, где хранятся священные образы) мы нашли налджорпа: сидит на подушке перед низким столом с приготовленной на нем едой. Нам тоже принесли подушки и предложили чаю. Начать беседу с монахом нелегко – рот у него полон риса; на мое вежливое приветствие он лишь что-то промычал. Какую бы придумать фразу, чтобы растопить лед недоверия? Вдруг странник засмеялся и пробормотал несколько слов. Давасандуп, видимо, смутился.

– Что он сказал? – осведомилась я.

– Простите, – ответил переводчик, – эти бродяги иногда довольно грубы. Не знаю, переводить ли.

– Пожалуйста, переведите, – попросила я. – Я здесь, чтобы записывать все, особенно самое любопытное и оригинальное.

– Ну, тогда простите меня; он сказал: «Что эта идиотка здесь делает?»

Такая грубость не очень меня удивила, поскольку некоторые *йогины* в Индии имели привычку оскорблять любого, кто к ним подходил.

– Скажите ему: я пришла спросить, почему он насмеялся над толпой, жаждущей благословения далай-ламы.

– Напыщенные, самодовольные глупцы. Навозные мухи, самодовольно копошащиеся в навозе, – процедил сквозь зубы налджорпа.

---

³ Пишется *риал хьюрта*; буквально значит «тот, кто обрел совершенное спокойствие», но обычно переводится как «монах-аскет», обладающий магическими знаниями.

Не очень понятно, но так уж эти люди привыкли выражать свои мысли.

– А вы, – задала я еще один вопрос, – совершенно свободны от всех видов самолюбования?

Он громко захохотал.

– Кто хочет выбраться, еще больше завязнет. Я просто купаюсь в этом чувстве, как свинья в грязи. Но я перерабатываю его и превращаю в золотую пыль, в ручей чистой воды. Создавать звезды из собачьего дерьма – тяжелая работа!

Мой друг явно наслаждался собственным красноречием – этакая самодемонстрация, он ощущал себя сверхчеловеком.

– Разве эти паломники не правы, ожидая получить пользу от присутствия и благословения далай-ламы? Это простые люди, не стремящиеся к знанию высшего учения...

Но тут налджорпа перебил меня:

– Благословение будет действенным, если благословляющий обладает силой, которую он способен передать другим.

– Разве Дорогому Спасителю (далай-ламе) требуются солдаты, чтобы драться с китайцами или другими врагами, будь у него такая сила? Разве не вышвырнул бы он тогда любого, кто ему ненавистен, из страны и не окружил Тибет невидимым барьером, которого никто не мог бы пересечь?

– Гуру, рожденный в лотосе⁴, имел такую силу, и его благословение до сих пор доходит до тех, кто поклоняется ему, несмотря на то что он живет теперь в далекой земле Ракшасас. Я только скромный его последователь, но все же...

Слова «скромный последователь» показались мне вызывающими – явное самолюбование: это «но все же» сопровождалось весьма многозначительным взглядом.

Переводчик мой тем временем выглядел очень озадаченным: он искренне и глубоко уважал далай-ламу и не желал слышать в его адрес никакой критики. С другой стороны, человек, способный «создавать звезды из собачьего дерьма», внушал ему суеверный ужас.

Собираясь уходить, я протянула Давасандупу несколько рупий для ламы: как я поняла, он на следующее утро уезжал, мне хотелось облегчить ему путешествие. Но подношение не понравилось налджорпе; он отказался принять его – и так уже получил непомерно много провизии и не знает, как унести ее с собой.

Давасандуп подумал, что не обойтись без уговоров; сделал несколько шагов вперед, намереваясь положить деньги на стол перед ламой. Затем я увидела: он напрягся, отшатнулся и ударился спиной о стену, будто его сильно толкнули; вскрикнул и схватился за солнечное сплетение. Налджорпа встал, усмехнулся и вышел из комнаты.

– Меня словно ударили изо всех сил, – сказал Давасандуп. – Лама раздражен. Как нам его задобрить?

– Давайте уйдем, – предложила я. – Лама, вероятно, не имеет к этому никакого отношения – наверно, у вас сердечный приступ, нужно посоветоваться с врачом.

Бледный, обеспокоенный, переводчик ничего не ответил. Да и что тут скажешь? Мы вернулись в гостиницу, но мне так и не удалось его успокоить. На следующий день Давасандуп и я выехали в Гангток.

Ослиная тропа, по которой мы ехали, вела прямо к Гималаям – священной земле, с древних времен воспеваемой индийцами в известных сказаниях и, по поверьям, населенной строгими колдунами, странствующими монахами и божествами. Летний курорт, устроенный иностранцами в этих величественных горах, еще не изменил их вида. В нескольких милях от отелей, где западный мир наслаждался танцами и слушал джазовые новинки, царили первозданные джунгли. Окутанная стелющимся туманом фантастическая армия деревьев, задропи-

---

⁴ Падмасамбхава; проповедовал в Тибете в VIII в. н. э.

роvanная в лиловато-синий мох, казалось, стоит на страже узенького прохода, предупреждая и угрожая путешественникам загадочными жестами. От низких долин, скрытых красочными джунглями, до самых горных вершин, покрытых вечными снегами, вся страна просто купалась в оккультных учениях.

Такие декорации только усиливали власть любого колдуна. Все так называемое буддийское население – это практикующие шаманы и разного рода *медиумы*: бонпосы, павосы, бантинги и ябосы обоих полов, которые даже в самых маленьких поселениях передают послания богов, демонов и умерших.

По дороге в Пакионг я заснула, а на следующий день уже была в Гангтоке. Когда въезжала в эту деревню-столицу, внезапно, словно приветствуя меня, налетела ужасная гроза с градом.

Тибетцы считают метеорологические явления проделками демонов или колдунов, а град – их любимое оружие. Первые используют его, чтобы помешать паломникам на пути к святым местам; вторые с его помощью защищают свои жилища от непрошенных гостей и отпугивают слабодушных кандидатов в ученики.

Через несколько недель после моего приезда суеверные страхи Давасандупа подтвердились: он проконсультировался у *мона* (прорицателя) о внезапной атаке града в самый день моего приезда – славный, солнечный.

Оракул заявил, что местные боги и святые ламы не относятся ко мне враждебно, но, тем не менее, мне придется пережить множество неприятностей, если я надолго останусь в этой Стране религии, как сами тибетцы называют свою родину. И предсказание не преминуло сбыться!

Его высочество Сидкеонг Намгьял, наследный принц Сиккима, был настоящим ламой: настоятелем монастыря Карма-Кхагитутской секты и *тулку*⁵, которого считали реинкарнацией его дяди – ламы, снискавшего славу святого. Как это принято, он получил монастырские одежды еще ребенком и провел часть юности в монастыре, главой которого сейчас стал. Британское правительство сделало его наследником отца-махараджи в обход старшего брата – назначило главой англоизированных индийцев, их наставником и опекуном. Недолгое пребывание в Оксфорде и путешествие вокруг света завершили его беспорядочное образование.

Сидкеонг тулку⁶ знал английский лучше родного, тибетского языка. Он говорил на хинди, а также немного по-китайски. Его частная вилла, которую он построил в садах отца, больше напоминала английский загородный дом, чем тибетский храм. Тот же контраст повторялся и во внутреннем убранстве его резиденции: первый этаж меблирован на английский манер, тогда как на втором господствовали ламаистские статуи и была устроена тибетская гостиная.

Молодой принц отличался широкими взглядами, – он сразу заинтересовался моими исследованиями и во многом помог мне в работе.

Первая половина моего пребывания в Сиккиме была отдана посещениям монастырей, разбросанных по лесам. Меня восхищало их живописное расположение, – обычно их строили у подножия гор. Мне нравилось воображать эти сельские жилища, населять их мыслителями, свободными от мирского тщеславия и треволнений, проводящими свои дни в покое и глубокой медитации.

Но оказалось, монастыри не совсем такие, какими я их себе представляла. Монахи Сиккима большей частью неграмотны и не особенно стремятся к просвещению, даже в области буддизма, который исповедуют; к тому же они не имеют необходимого для учения свободного времени. Гомпа Сиккима большей частью бедны, если у них и есть какой-то доход, то очень

---

⁵ Лама высокого ранга; иностранцы называют его «живым Буддой» (см. гл. 3).

⁶ В тибетском языке титулы и другие отличия ставятся после имени.

небольшой и совсем нет богатых покровителей. Их *трапа* (студенты) вынуждены зарабатывать себе на жизнь.

Иностранные авторы называют всех без исключения ламаистских священников ламами, но в Тибете это не принято. Среди монахов имеют право носить титул ламы⁷ лишь духовные сановники: тулку; настоятели больших монастырей; главы больших монастырских колледжей; монахи, обладающие высшими университетскими степенями. Все другие монахи, даже те, которые посвящены в духовный сан и являются *гелонг*, называются трапа. Тем не менее считается хорошим тоном при встрече обращаться «лама» к пожилым и образованным монахам.

В Сиккиме очень многих трапа их коллеги берут себе для обучения: исполняют некоторые религиозные ритуалы, учат новичков читать литургию и получают в качестве оплаты подарки, реже деньги, а часто прислуживают своим наставникам дома. Однако отправление священных функций – главный источник их дохода.

Ортодоксальный буддизм строго запрещает религиозные ритуалы, и ученые ламы знают, что достичь духовного просветления можно только с помощью личного интеллектуального усилия. Но все же большинство из них верят в эффективность некоторых ритуальных методов исцеления больных, поиска материального процветания и победы над вражескими сущностями, а также направления душ умерших в другой мир.

Похоронные церемонии также основная обязанность гималайских монахов. Они с большим рвением, даже с удовольствием отправляют эти обряды, поскольку при этом происходит одно или два угощения, которые предлагаются семьей умершего им и всем монахам того монастыря, который он посещал при жизни. Трапа, совершающие богослужение, также получают в дар деньги или их замену в доме умершего. В наши дни сельское духовенство этих лесов обычно бедно и недоедает, – трудно подавить радость, когда умирает богатый селянин и похороны сулят им несколько дней сытного угощения. Взрослые монахи умеют скрывать свою радость, но дети-новички, которые пасут стадо в лесу, удивительно откровенны. Однажды, когда я сидела рядом с группой юных пастушков, вдали раздался звук духового инструмента. Дети сразу прекратили игру и стали прислушиваться. Снова мы услышали тот же звук; дети все поняли.

– Ракушка! – объявил один.

– Кто-то умер! – подхватили другие.

Все умолкли и стали переглядываться, – глазки их блестели радостью.

– Нам сегодня дадут мясо! – прошептал кто-то.

Во многих поселках ламаистский священник становится конкурентом местному колдуну, хотя, как правило, до открытой вражды не доходит, – обычно оба верят в методы друг друга. Хотя лама пользуется большим уважением, чем колдун школы бон, последователи древней религии, или *нгаспа* (колдуны), давно ассимилировались с официальным духовенством; тем не менее их считают более искусными в обращении с демонами, которые мешают людям или духам жить после смерти.

Непредвиденный случай помог мне открыть, как ламы с помощью особых молитв выводят дух умершего из тела и направляют на дорогу в мир иной. В тот день, возвращаясь из экскурсии в лес, я услышала резкий, короткий крик, – ни одно известное мне животное таких звуков не издавало. Через несколько минут крик повторился. Медленно, бесшумно я пошла в направлении, откуда он раздавался, и набрела на хижину, скрытую небольшим холмом. Распластавшись среди кустарника, стала незаметно наблюдать за тем, что там происходило. Два монаха сидели под деревом в глубокой медитации, уставив взоры вниз.

– Хик! – воскликнул один из них на необычно резкой ноте.

– Хик! – повторил через несколько минут другой.

---

⁷ Пишется *blama*; означает «превосходный», «высший».

Так они и кричали, делая длительные интервалы, во время которых оставались неподвижны и не произносили ни звука.

Им требуется большое усилие, чтобы произнести этот звук, доносившийся будто из самого чрева, заметила я. Понаблюдав некоторое время, я увидела: один из трапа схватился за горло, на лице его выразилось страдание, голова склонилась набок, изо рта потекла кровь. Товарищ его произнес несколько слов – я их не разобрала. Не отвечая, монах встал и пошел к хижине. И тут я заметила длинную соломинку, торчавшую у него на макушке. Что бы это значило?.. Пока трапа заходил в хижину, а другой сидел ко мне спиной, я тихонько ускользнула.

Как только встретила Давасандупа, стала задавать ему вопросы: что делали эти люди; почему издавали такой странный звук? Он объяснил мне, что это ритуальный крик молящихся лам: кричат над только что умершим человеком, чтобы освободить дух и принудить его выйти из тела через отверстие, открываемое этим магическим словом в верхней части головы.

Только лама, который получил от опытного учителя силу произносить «хик!» с правильной интонацией и требуемой силой, способен добиться успеха. После «хик!» он выкрикивает «пхат!»; но ему следует быть очень осторожным, чтобы не произносить «пхат!» во время учебы, как делали монахи, которых я слышала. Комбинация этих двух слов неизбежно ведет к разделению тела и духа, так что лама, произнесший их правильно над собой, немедленно умрет.

Но во время молитвы такой опасности нет: лама действует как бы по доверенности, вместо умершего, одалживая ему свой голос, поэтому магические слова воздействуют только на умершего, а не на ламу.

Как только ученик с помощью опытного учителя накопит психическую силу, способную выводить дух из телесной оболочки, он учится произносить «хик!» с правильной интонацией. Считается, что он приобрел необходимый навык, если соломинка у него на голове прямо и неподвижно стоит сколько нужно. Поскольку при произнесении «хик!» на голове открывается небольшое отверстие, соломинку помещают в него. Умирает человек – открывается более широкое отверстие; иногда в него даже помещается мизинец.

Давасандупа очень интересовали все вопросы, связанные со смертью и миром духов. В течение пяти или шести лет после того, как я с ним познакомилась, он переводил классический тибетский труд о странствованиях мертвых по потустороннему миру⁸.

Несколько иностранцев, ученых-востоковедов и британских чиновников, нанимали Давасандупа в качестве переводчика и оценили его способности. Однако у меня были все основания полагать, что ни один из них не узнал особенностей его характера так хорошо, как это удалось мне.

Давасандуп – оккультист и даже в некоторой степени мистик; искал таинственных связей с дакини⁹ и другими ужасными богами в надежде обрести сверхъестественные способности. Все, что связано с мистическим миром существ обычно невидимых, сильно привлекало его, но необходимость зарабатывать на жизнь не позволяла тратить много времени на любимые исследования. Родился в Калимпонге, предки его – горцы из Бутана или Сиккима, пришедшие когда-то из Тибета. Получил стипендию и учился в Высшей школе в Дарджилинге, специально организованной для молодых людей тибетского происхождения. Поступил на британскую правительственную службу в Индии и стал переводчиком в Баксе-Дуаре, на южной границе Бутана. Там встретился с одним ламой и выбрал его себе в духовные наставники.

Об этом учителе я немного знаю со слов самого Давасандупа, глубоко его уважавшего. Вероятно, он похож на многих лам, которых я встречала позже, – погружен в свои мысли,

---

⁸ «Бардо тод тол».

⁹ Женские божества; так они называются на санскрите, но имя используется и в мистической литературе Тибета. По-тибетски называются *мках хрома* (произносится *Кандома*); их часто изображают в виде «матерей»; говорят, что они передают своим почитателям глубокие эзотерические знания.

наполненные смесью знаний и суеверий, – но, помимо этого, хороший и милосердный человек. Среди своих коллег выделялся тем, что имел учителем настоящего святого, – смерть его заслуживает упоминания.

Однажды к монаху-аскету пришел благодетель – верующий и оставил ему некоторую сумму денег – пусть тот закупит провизию на зиму. Ученик аскета в приступе жадности бросился на учителя с ножом, похитил серебро и убежал. Пожилой лама остался жив и вскоре после побега убийцы пришел в себя. Раны причиняли ему невероятную боль, и, чтобы избежать мучений, он погрузился в медитацию.

Концентрация мысли до сих пор используется тибетскими мистиками как анестезирующее средство, причем во время медитации они в самом деле ничего не чувствуют, так что на низшем уровне своей силы способны сильно облегчать себе боль.

Через несколько дней к ламе пришел другой ученик и обнаружил учителя завернутым в одеяло и лежащим так без движения; запах загноившихся ран и кровавые пятна на одеяле привлекли его внимание. Он стал расспрашивать своего учителя, но, когда предложил позвать врача из близлежащего монастыря, монах запретил ему это.

– Если ламы и жители деревни узнают о моем состоянии, они бросятся на поиски преступника, – пояснил аскет. – Он не мог далеко уйти; его найдут и, вероятно, приговорят к смерти. Не могу я этого допустить. Хочу дать ему больше времени на то, чтобы скрыться. Когда-нибудь он, быть может, вернется на праведный путь, и в любом случае я не желаю быть причиной его гибели. Так что не говори никому о том, что ты здесь видел. А теперь иди, оставь меня одного. Когда я медитирую, то не страдаю, но, когда я в полном сознании, боль, которую испытывает мое тело, непереносима.

Ученики на Востоке не обсуждают такого рода приказы. И этот тоже – поклонился своему *гуру*¹⁰ в ноги и удалился. Через несколько дней оставшийся один в своей хижине отшельник ушел в мир иной.

Хотя Давасандупа восхищало поведение святого ламы, такие моральные вершины не для него – он скромно признавал это. Пьянство, недостаток часто встречаемый среди деревенских жителей, стало проклятием всей его жизни; оно усиливало природную вспыльчивость и однажды чуть не привело его на путь убийства. Имея некоторое влияние на него, пока жила в Гангтоке, я убедила его дать обещание совершенно отказаться от употребления любых ферментированных напитков, которые распространены среди всех буддистов. Но это оказалось выше его сил – противостоять окружению, где господствовал прочно сложившийся взгляд, что пить и оставлять разум на дне чаши есть праведное деяние для любого истинного последователя Падмасамбхавы¹¹.

Когда я встретила с Давасандупом, он уже ушел с правительственной службы и собирался стать директором тибетской школы в Гангтоке. По его словам, он слишком хорош для этой роли.

Страсть к чтению буквально терроризировала его. Куда бы он ни шел, всегда нес с собой книгу и погружался в нее с головой, вводя себя в какой-то транс; часами мог так читать, не помня, где находится. Научные переводы, длительные беседы с ламами, отправление оккультных ритуалов постоянно отвлекали его от школы, – казалось, он забывал иной раз даже о самом ее существовании. Иногда целый месяц не ступал ни в один класс, оставляя своих учеников на попечение младших учителей, а те, следуя его примеру, тоже не обращали на них никакого внимания.

---

¹⁰ На санскрите – духовный отец и наставник. Это слово используется тибетскими мистиками, особенно в книжном языке.

¹¹ Падмасамбхава принадлежит к упадочнической секте тантрического буддизма. Однако нет никаких доказательств, что он был невосдержан в питии, как утверждают те из его последователей, которые хотят оправдать свое пьянство.

Предоставленные самим себе, мальчишки играли, бродили по лесам и забывали даже то малое, что когда-то успели выучить. Однако приходил день, когда Давасандуп, суровый, как судия мертвых, внезапно появлялся перед своими учениками, трепетавшими каждой жилкой, – они хорошо знали, что их ожидает.

Во-первых, они должны выстроиться в шеренгу перед экзаменатором, который задавал вопросы – каждому то с одной, то с другой стороны. Дашь ответ неправильный или вообще никакого – отвечает твой товарищ, стоящий рядом; если его добавление верно, ему вменяется дать невеже по физиономии и занять его место. Неудачник, потеряв всяческое соображение от повторяющихся ударов, добирается до конца ряда, и так до десятка раз. Нередко получалось, что несколько мальчишек, стоящих рядом, не могли ответить урок. В таком случае самый крупный «эрудит» в классе получал право распределить удары, а если все ученики обнаруживали равное невежество, Давасандуп сам их шлепал. Кто-то из учеников стеснялся давать сильные удары своим друзьям и только делал вид, что бьет, но Давасандуп начеку.

– Иди-ка сюда! – говорил он с жестоким смешком. – Ты не знаешь, как это делается, мой мальчик. Я научу тебя. – И – бац! – бил своей ручищей беднягу прямо в лицо.

После этого мальчишке предстояло продемонстрировать на щеке друга, как он усвоил урок ужасного учителя.

Иногда наказания не были связаны с ошибками в работе учеников. В этой странной школе, где отсутствовала дисциплина, изобретательный ум Давасандупа находил несуществующие нарушения правил. В таких случаях он использовал особенно длинную и тяжелую палку: приказывал преступнику вытянуть руку и раскрыть ладонь, после чего несчастный получал по ладони удары в количестве, назначаемом учителем.

Управляясь со своим оружием, Давасандуп исполнял какой-то дикий военный танец, сопровождая каждый удар прыжком и диким восклицанием вроде «хан!»; с активной, хоть и невольной помощью жертвы – боль заставляла топтать ногами, корчиться и кричать – наказание походило на какой-то дьявольский балет. Неожиданно зайдя однажды в школу, я стала свидетельницей как раз такой сцены: дети уже знали меня и откровенно описали педагогические методы своего учителя. После нескольких дней такого активного преподавания Давасандуп снова, как обычно, покидал учеников.

Немало еще историй о моем добром переводчике я могла бы рассказать; некоторые довольно забавны, в духе Боккаччо, – он играл в них роли не только оккультиста, школьного учителя и писателя. Но, мир его памяти, я совсем не хочу принижать этого человека. Настойчивыми усилиями, став настоящим эрудитом, он был и симпатичным, и интересным. Поздравляя себя с тем, что встретила его, очень благодарна и признательна ему за помощь.

Добавлю, что Давасандуп – автор первого и до сих пор единственного англо-тибетского словаря и закончил свои дни преподавателем тибетского языка в университете в Калькутте.

Какова была моя радость, когда принц тулку сообщил, что в монастырь Энч, неподалеку от Гангтока, приезжает настоящий тибетский доктор философии из знаменитого университета в Тнашилхупо¹², а также что ожидает возвращения в страну еще одного ламы, родом из Сикима, который учился в Тибете.

Скоро я познакомилась с ними – людьми весьма образованными и неординарными по своей учености.

Доктора философии звали *кушог*¹³ Чёсдзед, он происходил из древнего рода тибетских правителей. Несколько лет провел в тюрьме по политическому обвинению, и здоровье его сильно подорвала пища, которую пришлось употреблять в заключении.

---

¹² Около Шигадзе, столицы провинции Цанг.

¹³ Тибетский эквивалент английского «сэр».

Принц Сиккима оказал ученому человеку большое уважение: он с радостью принял изгнанника и назначил его настоятелем Энч гомпа с обязательством обучать грамоте и священной литературе около двадцати послушников.

Кушог Чёсдзед – гелугпа, то есть последователь реформистской секты Цонг Кхапа (жил около 1400 года нашей эры), более известной под названием «Желтые шапки».

Иностранные авторы, описывающие учение и религиозные принципы «Желтых шапок» как абсолютных противников «Красных шапок», поймут свою ошибку, обнаружив в монастыре Энч настоятеля-гелугпу, который стоит во главе монахов, относящихся к «красной» секте, и мирно служит литургию вместе с ними.

Не знаю, усерден ли этот лама в медитации, можно ли назвать его мистиком, но он точно обладал невероятной эрудицией. Память его словно чудесная библиотека, где каждая книга готова открыться на нужной странице. Без малейшего усилия он цитировал десятки текстов, так или иначе связанных с ламаизмом, буддийской философией, тибетской историей или светской литературой. Но это еще не столь удивительно для Тибета – совершенно поражало, как тонко понимал он и различал малейшие оттенки в значениях понятий и явлений.

То ли он боялся показаться навязчивым, то ли мешала родовая гордость (положение выше, чем его покровителя), но лама редко посещал принца в его поселке, только консультировался с ним по поводу дел, связанных с монастырем.

Иногда он приходил навестить меня, но большей частью я сама приходила в гомпа у подножия горы, возвышающейся над Гангтоком. После нескольких бесед лама, подозрительный, как все восточные люди, придумал замечательный план: испытать мои знания буддизма и насколько глубоко я понимаю его установления. Однажды, когда я сидела у него в комнате, он достал из ящика письменного стола длинный список вопросов и с изысканной вежливостью попросил меня ответить на них сразу же. Предмет он выбрал для опроса сложный, явно содержащий намерение меня смутить.

Я честно прошла все испытание, и мой экзаменатор был как будто удовлетворен. Затем признался: до последнего момента не верил, что я буддистка, и, не понимая, зачем я расспрашиваю лам об их религии, боялся, что у меня недобрые намерения. После этого он, кажется, переменял свое мнение и стал относиться ко мне с большим доверием.

Второй лама, который вскоре приехал в Гангток из монастыря Толунг-Цепхаг, расположенного в районе Лхасы, учился там всю свою юность и потом вернулся секретарем главы секты в Кармапаса, одной из главных сект «Красных шапок». Звали его Бермиаг Кушог (почтенный Бермиаг), потому что он был сыном местного правителя, одного из немногочисленных членов сиккимской знати, которая относилась к местной народности, называемой *лепча*.

Как и кушог Чёсдзед, он получил высший титул гелонга и дал обет безбрачия. Священник махараджи, он занимал помещения в его дворце. Почти каждый день пересекал сады и приходил на виллу, где жил кронпринц. Здесь, в гостиной, обставленной в английском стиле, мы проводили время в длительных беседах на темы совершенно незнакомые людям с Запада.

Мне нравится воскрешать в памяти эти разговоры, которые постепенно позволили приоткрыть завесу, скрывавшую подлинный Тибет и его религиозный мир.

Сидкеонг тулку, всегда облаченный в свои парчовые одежды, председательствовал сидя на кушетке. Перед ним ставили стол, а я садилась напротив в кресло. Каждому из нас приносили по небольшой чашке китайского фарфора с серебряным блюдцем и украшенной кораллом и бирюзой крышечкой в виде крыши пагоды.

Очень близко к принцу, в кресле, задрапированный в красочную тогу, восседал почтенный Бермиаг, перед ним – чашка с серебряным блюдцем, но без крышечки. А что касается Давасандупа, который часто присутствовал на наших беседах, то он сидел, на манер портного (на Востоке говорят «в позе лотоса»), у наших ног, и его чашка, поставленная на коврик, не имела ни блюдца, ни крышечки.

Тем самым соблюдался строгий и сложный тибетский этикет. Пока говорил ученый и красноречивый оратор Бермиаг Кушог, нам подавали бесконечное количество индийского чая цвета поблекшей розы, с добавленным в него сливочным маслом и солью. Богатые тибетцы всегда держат чашку такого чая в руках, – характерно изречение, сразу определяющее обеспеченных людей: «Губы их всегда влажны от чая или пива». Тем не менее на этих собраниях подавался только чай из уважения к моим ортодоксальным буддийским принципам.

Молодой помощник приносил большой серебряный чайник и заученным жестом подносил его через плечо к нашим чашкам, словно исполняя какой-то религиозный ритуал. В углу комнаты горело несколько палочек с благовониями, распространяя аромат, которого я никогда не встречала ни в Индии, ни в Китае. Иногда из дальнего дворцового храма доносилась торжественная мелодия, и меланхоличная, и очень мягкая. А Бермиаг лама все продолжал говорить, описывая жизни и мысли героев сказаний или волшебников, которые жили или живут сегодня в запретной стране, ее граница так близко от нас...

Кушогу Чёсдзеду и Бермиагу Кушогу я обязана своим первым знакомством с неизвестными большинству иностранцев верованиями ламаистов относительно смерти и тем, что ждет человека после нее. А так как один из лам принадлежал к «Красным шапкам», а второй – к секте «Желтых шапок», то, слушая обоих, я проникалась уверенностью, что получаю сведения, которые представляют мнение общее, а не достояние определенной секты или одного какого-то верования.

Более того, в последующие годы у меня было много возможностей в различных частях Тибета поговорить с ламами на эту тему. Для большей убедительности я объединила все полученные данные, которые и представляю в нижеследующем кратком обзоре.

Смерть и то, что после нее. Обыватели часто воображают, что буддисты верят в реинкарнацию души и даже в метемпсихоз. Это ошибочное мнение. Буддизм учит, что энергия, производимая умственной и физической деятельностью человека, вызывает появление новых умственных и физических явлений, как только этот человек умирает.

В этой области существует немало тонких теорий, и тибетские мистики, думается, добились тут более глубокого понимания, чем другие буддисты.

Однако в Тибете, как и где бы то ни было, взгляд философов понятен только элите. Массы, хотя и повторяют ортодоксальные догмы – «все в мире непостоянно», «ни в человеке, ни в чем-либо еще нет ничего сущего», – остаются приверженными более простым верованиям: неопределенная целостность путешествует из мира в мир, принимая различные формы.

Идеи ламаистов относительно условия существования человека сразу после смерти отличаются от идей, разделяемых буддистами южных стран – Цейлона, Бирмы, Сиамы, – которые считают, что должно пройти некоторое время между смертью и последующим воплощением души в одну из шести форм чувствующего существа.

По общепринятому мнению, категория существ, в которой происходит последующее рождение, и более или менее счастливые условия, в которые попадает душа, зависят от добрых и злых деяний, совершенных в прошлых существованиях.

Чем больше просветленных лам учат человека – или других существ – с помощью своих мыслей или действий, тем более он – или они – создает привязанности, в свою очередь ведущие к существованию, связанному с природой этих привязанностей.

Другие говорят, что с помощью собственных действий и, кроме того, умственной деятельности определяется сама субстанция и тем самым приобретаются характеристики бога, животного или любого другого существа.

Пока эти взгляды мало отличаются от разделяемых буддистами. Есть, однако, более оригинальные ламаистские теории.

Во-первых, ламаисты больше других подчеркивают важность ловкости, свойственной некоторым буддийским сектам, проповедующим махаяну. «Кто знает, как вести себя в обще-

стве, тот даже в аду устроится с удобствами» – такова популярная на Тибете поговорка; лучше любых определений или описаний она объясняет все то, что ламы называют *таб*, то есть «метод».

Итак, если большая часть последователей буддизма верят – судьба умершего математически зависит от его моральных качеств, ламаисты заявляют, что им известны совершенные «методы», способные видоизменить «послежизненную» судьбу в лучшую сторону. Другими словами, умерший может обеспечить себе наиболее приемлемые условия своего последующего рождения.

«Наиболее приемлемые» – потому что, несмотря на умение применять эти методы, прошлые деяния имеют силу перевесить это умение. Более того, эта сила часто настолько велика, что все напряжение умершего или призванного заботиться о его благоденствии посвященного не в состоянии остановить «дух» от падения – нежелательного последующего рождения. Несколько позже мы это проиллюстрируем.

Исходя из того, что «метод» и «знание» – понятия главные, ламаисты считают, что, изучив искусство правильной жизни, можно научиться искусству правильной смерти и благоденствия в других мирах.

Считается, что посвященные, обладающие знаниями мистических преданий, осведомлены о том, что ждет их после смерти, а медитирующие ламы способны к прозрениям и обретают опыт в этой жизни, предвосхищая ощущения, которые сопровождают смерть. Стало быть, не будут ни поражены, ни повержены в ужас, когда их личность подвергнется разрушению. То, что простирается за смертью, за процессом, когда сознание переходит в следующий мир, уже знакомо – все дороги и тропинки, что ведут в места, куда предстоит прийти.

Но что такое это «то», которое продолжит свой путь, после того как тело превратится в труп? Это, по мнению ламаистов, особое состояние «сознания», пребывающее среди нескольких избранных, – «сознание» своего «я» или, по другому определению, «воля к жизни».

Термин «дух» мною используется для обозначения путешественника, чьи передвижения в следующем мире мы наблюдаем. Этот термин далек от значения, передаваемого тибетскими словами *йид кьи рнампар шеспа*. Выбран он, потому что знаком западным читателям, – в самом деле, нет более подходящего, если ориентироваться на любой европейский язык.

Согласно воззрениям тибетцев (как о том сказано), мистик посвященный способен сохранять ясность ума и в процессе после разрушения своей личности и перейти в мир иной с полным осознанием происходящего. Из этого следует, что такой человек не нуждается ни в чьей в помощи в свой последний час; не нужны ему и никакие религиозные обряды после смерти.

Но с простыми смертными все обстоит по-другому. Под простыми смертными мы понимаем всех, будь то монах или мирянин, кто не освоил «науки умирать», и таких, естественно, громадное большинство. Ламаизм не бросает этих несведущих на произвол судьбы. В то время, как они умирают, и после того, как уже умерли, лама учит их тому, чему они не научились при жизни. Объясняет им природу существ и вещей, которые появляются у них на пути, подбадривает и, кроме того, никогда не устает указывать верное направление.

Лама, помогающий умершему, заботится о том, чтобы он не заснул, не потерял сознание, не впал в кому. Показывает последовательность исчезновения особых видов «сознания», связанных с каждым чувством, – «сознания» глаз, носа, языка, тела, ушей; иначе говоря, уделяет внимание тому, чтобы зрение, обоняние, вкус, ощущения, слух утрачивались постепенно.

Вслед за тем задача ламы – принудить «дух» покинуть телесную оболочку через отверстие в верхней части головы, потому что, если он выйдет из тела другим путем, последующее благоденствие человека окажется в великой опасности.

Такое высвобождение «духа» проводится с помощью ритуального крика «хик!», а ним – «пхат!». Перед тем как произвести эти крики, лама должен сконцентрировать свое мышление

и идентифицировать себя с только что умершим человеком; сделать усилие вместо умершего – заставить «дух» подняться в верхнюю часть черепа с силой достаточной, чтобы проделать щель, через которую он оставит тело.

Посвященные, которые сами способны заставить «дух» вознестись, издают высвобождающие крики «хик!» и «пхат!», когда чувствуют приближение конца, – они освобождаются без всякой помощи. Могут и совершить самоубийство таким способом, – говорят, некоторые мистики так и поступили.

Лишенный тела «дух» начинает свое необычное странствие. Всеобщая вера такова: путешествие это проходит по реально существующим землям, населенным реальными существами. Но ламаисты более сведущие представляют его как серию субъективных видений, сон, видимый самим «духом» и сотканный из впечатлений, обусловленных его характером и прошлыми деяниями.

Некоторые ламаисты утверждают, что сразу после того, как «дух» покидает свое тело, он обретает некое интуитивное прозрение в виде вспышки молнии – некой Сверхсущей Реальности. Если он поймает этот свет, то определенно освободится «от круга» последующих рождений и смертей и достигнет состояния *нирваны*.

Но так бывает очень редко. Обычно «дух» ослепляется внезапно вспыхнувшим светом, отскакивает, пьтится под влиянием своих ложных взглядов и привязанности к индивидуальному существованию и удовольствиям, предоставляемым чувствами. Или, случается, не понимает значимости увиденного – так озабоченный собственными думами не замечает, что происходит вокруг.

Обычно человек, который умирает в бессознательном состоянии, не сразу понимает случившееся, когда вновь обретает сознание. Несколько дней он продолжает «говорить» с живыми людьми в своем бывшем жилище и с удивлением обнаруживает, что никто ему не отвечает и даже не замечает его присутствия.

Лама из монастыря Литанг в Восточном Тибете рассказывал мне: некоторые умершие через посредников *навосов* (медиумов) сообщают, что пытались пользоваться предметами, ранее им принадлежавшими: взять плуг и выполнять привычную работу на полях или снять с вешалки свою одежду и одеться; невозможность вести привычную жизнь их раздражает. В таких случаях «дух» умершего теряет ориентацию. Что с ним может произойти? Он замечает неподвижное тело, похожее на его собственное, и видит лам, поющих вокруг него. Что же, он умер?..

Простые люди верят, что дезинкарнированный «дух» должен пойти на место, покрытое песком, и рассмотреть свои следы на земле. Идут задом наперед, каблуки впереди, носки сзади, – сомнений нет: он умер.

С полным правом спросим: может ли «дух» иметь ступни? Обычно конечности имеет не сам «дух», а его «астральный двойник», с которым он все еще связан.

Тибетцы, как и египтяне, верят в «двойников». В течение жизни в нормальном состоянии этот «двойник» тесно соединен с материальным телом. Тем не менее определенные обстоятельства могут вызвать их разделение. Тогда «двойник» покидает материальное тело и *показывается* в разных местах или *становится* невидимым и странствует по миру. Такое отделение «двойника» происходит у некоторых людей помимо их воли, но тибетцы считают, что у тех, кто специально тренировал себя, оно может происходить намеренно.

Разделение это, однако, не полное, так как между двумя формами существует соединение. Связующее звено остается какое-то время и после смерти. Разрушение тела обычно, но не всегда приводит в конце концов к разрушению «двойника»; в некоторых случаях он переживает своего компаньона.

В Тибете встречаются люди, находившиеся в состоянии летаргии; они описывают различные места, где, по их словам, путешествовали. Одни посещали только страны, населенные

людьми; другие повествуют о своих странствованиях в раю, чистилищах или *бардо*¹⁴(промежуточный район, где «дух» бродит после смерти, ожидая реинкарнации).

Эти любопытные путешественники называются *делогами*, что значит «тот, кто вернулся с *того света*». Хотя делаги повествуют о разных местах и событиях, обычно они единодушны в том, что описывают ощущения псевдоумерших как безусловно приятные.

Одна женщина, которую я встретила в селении Царонг, несколько лет назад пролежала в бесчувственном состоянии целую неделю. Она рассказала, что ее приятно удивили легкость и подвижность нового тела, а также невероятная быстрота, с какой передвигалась. Стоило ей захотеть оказаться в каком-нибудь месте – и она немедленно туда попадала; пересекала реки, шагая прямо по поверхности воды, проходила сквозь стены. Невозможно оказывалось только одно – перерезать почти неосязаемую веревку, связывающую ее астральную сущность с материальным телом, которое она превосходно видела – спящим на диване. Эта веревка растягивалась бесконечно, но все-таки иногда ограничивала движения, словно она «закована» в нее. Мужчина-делог, которого мой сын встречал в юности, давал сходное описание своего состояния.

Совершенно очевидно – делог на самом деле не умирает; следовательно, эти описания не могут служить доказательством идентичности их ощущений в состоянии летаргии состоянию мертвых. Тибетцев, однако, не слишком удручает эта разница.

Когда умирающий выпускает последний вздох, его одевают наоборот – передней застежкой на спину; затем связывают, перекрестив ноги или согнув колени до груди. В поселке тело, одетое таким образом, обычно помещают в котел; как только оно готово к переносу на кладбище, котел слегка обмывают и часто готовят в нем суп или чай для гостей поминальной церемонии, – их не слишком смущает возможность инфекции.

В Тибете погребальная церемония занимает много дней; в центральных и северных провинциях высота над уровнем моря замедляет разложение; в жарких и сырых долинах трупы хранятся неделю или дольше и распространяют удушающий запах гниения. Но это никак не влияет на аппетит совершающих богослужение трапа: они продолжают давать советы умершему, отмечая дороги, по которым ему следует идти в потустороннем мире, и те, которых надо избегать. Пищу принимают прямо перед умершим, можно даже сказать – едят с ним, потому что главный монах приглашает его, называя имя, присоединиться к трапезе: «Дух, иди сейчас же сюда и поешь!»

---

¹⁴ Существование такого района отрицают ортодоксальные буддисты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.